

“.....”

Я не находил слов.

“Твоя мать сама навлекла на себя судьбу. Я даже думать об этом больше не хочу. Пожалуйста, давай остановимся, нет смысла продолжать говорить об этом ...”

Ответ, который он только что дал мне, не был ложью, но в него он верил с чистой искренностью.

“Вперед”.

“... Эдит?”

На лице Роберика отразилось недоумение.

“Уходи и больше не возвращайся”.

Даже я слышала, каким удивительно холодным был мой голос.

“Подожди, Эдит!”

Роберик закричал и протянул руку.

“Почему ты держишься за меня? Я дочь своей матери. Дядя, ты ненавидишь ее ”. В этот момент рука Роберика остановилась, как будто ее преградила невидимая стена, и она больше не могла двигаться.

“- Что ты имеешь в виду, ты мое дитя!”

Через мгновение у Роберика вырвался оглушительный крик.

Я поднимаю руки, чтобы заткнуть уши.

“Ах, Эдит...”

Роберик прикрыл рот рукой с явно смущенным выражением лица.

“Прости. Я не хотел тебя напугать ...”

Я немного поразмыслила, глядя на его беспокойный вид.

Роберик чувствует себя виноватым передо мной.

Я, который даже не знал о его существовании и был оставлен в крайне бедном, с его точки зрения, окружении.

Итак, он хочет загладить свою вину, насколько может.

Подарить любовь, которую он не мог, потому что до сих пор не знал обо мне.

Однако Маритте не было места в чувстве вины, которое он испытывал.

Оригинальные строки промелькнули у меня в голове.

[Юная Мариетта подошла к Роберику, который вытирал слезы, измученный воспоминаниями о том, как его отца тащили у него на глазах.

Даже если Роберик отказывался отвечать, маленькая девочка тянулась к нему снова и снова.

Однажды, когда времена года сменились дважды и снова наступила зима.

Для разнообразия Роберик принял ее настойчивую маленькую ручку и сжал ее.

Когда сезон снова прошел, и весенние ростки проросли.

Роберик наконец-то смог вернуть себе свою солнечную улыбку.

Мариетта, смотревшая на улыбающееся лицо Роберика, не выказала особой реакции, но в глубине души,

Она не могла быть счастливее.

Девушка, которая хотела освободить мальчика, потерявшего все и заточенного в своем сердце, подарила ему свое сердце и искренность.

[Сердце, наполненное любовью, которую никому не удавалось легко заполучить]

Он сообщил Мариетте, которая была так предана ему, об их разрыве, сказав, что любит другую женщину.

Поведение Мариетты, страдающей от горечи ран, оставленных предательством, было отвергнуто как простая ревность и жестокость.

Он отпустил руку, которая спасла его и в конечном итоге уничтожила его благодетеля и его семью.

И все же, все те вещи, о которых он мог бы сожалеть, не были включены в его вину передо мной.

“Эдит ... пожалуйста...что с тобой не так?”

Роберик опустил передо мной колени и уставился на меня, из его глаз текли слезы.

Когда я впервые увидела его, он выглядел таким же прекрасным, как лепестки вишни, трепещущие в голубом небе, таким же благородным, как тот, кто никогда не будет запятнан.

Однако, по правде говоря, он был ужасно эгоцентричным персонажем.

'Твоя собственная дочь, которая жила, даже не подозревая о твоём существовании.'

Должно ли быть так много?

Как только вы привязываетесь к объекту, который произвел сильное впечатление, вы становитесь отчаянно одержимым, легко проливаете слезы и повторяете извинения за извинениями, но никогда не испытываете искреннего размышления или раскаяния за боль другого человека.

“Эдит...”

Вот почему ты можешь говорить о Мариетте так холодно.

“Нет, Эдит!”

Несмотря на то, что я не мог отделить Мариетту от своего впечатления о ней как о персонаже романа и считать ее своей настоящей матерью, этот человек был кем-то, кого нельзя было назвать человеком.

Я без дальнейших проволочек закрыл дверь.

“Эдд...”

Дверь закрылась, и наступила тишина.

Было тихо.

Но я стояла неподвижно, думая о Роберике, который, несомненно, все еще стоял снаружи.

Да, это прекрасно.

Я закрыл глаза и задумался.

Мне просто нужно вот так оборвать связь и жить спокойно, как я жил до сих пор.

Зазвонили часы. Я посмотрел на время.

Был полдень.

“... Я должен поесть”.

Я вышел за дверь.

Если бы у Роберика были какие-то идеи, его бы там больше не было.

* * *

Послышались слабые шаги.

“Ваша светлость”.

Перион поднял глаза. Его брови тут же начали хмуриться.

“...Перион”.

“Ты снова пошел навестить дочь той женщины и вернулся в таком виде. Как будто тебя бросил человек, которого ты любишь больше всего на свете, и ты выглядишь таким обиженным.”

Перион прикусил губу.

Он был дураком.

Те, кого Роберик должен был по-настоящему любить, были Честия и Аллея, уже жившие в Большом Особняке.

Но что он делал сейчас?

Роберик прикусил губу, не подозревая об истинных чувствах своего друга.

Слова ребенка, казалось, все еще отдавались эхом в его ушах.

‘Уходи и больше не возвращайся’.

Его сердце, казалось, было разорвано в клочья.

“... что мне делать?”

Страдальческое бормотание Роберика заставило Периона нахмуриться.

Красные и водянистые глаза, казалось, запечатлевали в себе голубое небо.

“Как я могу забрать ее?”

“...что?”

Лицо Периона сморщилось.

“Ваша светлость, о чем, черт возьми, вы говорите?”

“.....Ах, я тебе не говорил.”

Роберик поднял голову к небу.

“Я собираюсь отвезти Эдит в особняк, Перион”.

Ровный голос пробормотал что-то невнятное, как будто говорил что-то очень очевидное.

Перион был потрясен. Нет, он не ожидал такого, даже когда приехал в это поместье в сельской местности.

Он не думал, что вернет эту дочь.

Если да, то что подумает общественность?

Какую боль причинят Честия и Аллея, которые едва успели забыть свои болезненные воспоминания, после того, как стали счастливы?

“Что значит, ты возвращаешь это обратно?..... ты действительно забыл, кто биологическая мать этого ребенка?”

Перион не мог скрыть своей дрожи.

Пожалуйста, сейчас же передумай.

Если прошлое, которое до сих пор его не беспокоило, внезапно пробудило в нем чувство вины, разве не было способа просто платить алименты?

В этот момент прохладный ветерок коснулся затылка Периона.

Перион инстинктивно затаил дыхание.

“.....”

Красные глаза Роберика, которые раньше излучали чистый свет и красиво искрились, смотрели на Периона с неописуемым холодом.

Дух Ветра.

Перион затаил дыхание, не делая никаких движений перед острым лезвием, созданным атмосферой, которое, как он чувствовал, было направлено ему в спину.

“Не говори ерунды, Перион”.

Спокойно сказал Роберик, собирая свой безмолвный гнев.

“Не имеет значения, кто ее биологическая мать. Самое главное - это то, что Эдит моя дочь”.

“... Я сказал нечто, выходящее далеко за рамки моего положения, извините, сэр”.

Перион немедленно опустился на колени на пол.

Роберик на мгновение опустил взгляд на фигуру и поднял глаза.

“Как я могу искупить свои грехи и быть признанным ею своим отцом?”

Как будто прежний гнев исчез, голос, наполненный глубокой печалью, слетел с его губ.

“Ей, должно быть, было очень больно. Ей, должно быть, было грустно и она размышляла о том, почему у нее нет родителей. Но я даже не знал ...”

Разве твоя дочь не в Большом Особняке?

Периону удалось подавить желание произнести это слово.

“Чем, черт возьми, я занимался до сих пор?”

Ах, Периона охватило жуткое чувство, как будто его сердце упало в середину моря.

Красивое лицо Роберика засияло еще ярче от своей меланхолии.

Однако то, что он только что сказал, вызвало у Периона зловещее чувство, которому он не хотел противостоять даже во сне.

Дочерью Роберика была ангельская и прелестная Аллея.

В последние несколько лет Роберик также воспитывал Аллею, как свою собственную.

“Возможно, ты считаешь меня бессердечным. Но, Перион.”

Сказал Роберик, глядя сверху вниз на Периона.

“Аллея не моя настоящая дочь. У нее другой отец. Ты знаешь - отвратительный, имя которого я даже не хочу произносить на своем языке ”.

Перион не ответил.

Глядя сверху вниз на своего молчаливого наперсника, Роберик произнес свои слова со смесью вздохов.

“..... это уже было сделано. Какая разница, если я буду вот так сокрушаться?”

Роберик отвернулся. Край его серебристо-серой мантии затрепетал.

“Я собираюсь остаться в этом городе на некоторое время. Это все, что я знаю”. Перион смотрел, как Роберик уходит, оставив только эти слова.

“.....!”

Как только спина Роберика полностью исчезла, рот Периона безжалостно скривился.

То, что говорил Роберик, было отрицанием времени, которое они провели вместе.

До сих пор Перион верил, что Роберик тоже любит Аллею всем сердцем.

Это было вполне естественно, ведь дочь Честии, Аллея, была такой красивой и непорочной, что трудно было представить, насколько ужасным на самом деле был ее отец.

Она в корне отличалась от ‘ребенка’, который унаследовал бы жестокое сердце и характер Мариетт Эйдин Бастеван.

Но из всех Роберик верил в это...

‘Твоя собственная дочь?’

“Эта проклятая родословная...”

Что в этом было такого важного?

‘Перион... Я так напуган. Все меня ненавидят. Я думаю, он пытается каким-то образом выгнать меня. Что мне делать? Что я на самом деле сделал не так?’

Он вспомнил женщину, которая плакала и винила себя в отчаянии.

Перион пожевал губами.

Я поклялся защищать ее.

Так что я сдержу эту клятву.

Требовалось решительное действие.

Ему пришлось сделать шаг вперед, чтобы Роберик больше не поддавался влиянию.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/80568/4358145>